

Талант обязывает

но, вплоть до того, что очень Хлебниковых кажется туги пришлось без привычной отцовской зарплате. Быт, булки, огорчения, ожидания... Поначалу кажется, что театр несколько уменьшил масштабы своего происходящего в пьесе Штейна. Хлебников в исполнении Белова — просто хороший, но рядовой инженер, обыкновенный человек, упрямый, добрый, инерционно-капризный. Крупного таланта в нем мы не чувствуем — того таланта, которому мог бы жгуче завидовать Полудин. Что это, просчет? Нет, вероятно, не просчет. Театр хочет заставить нас волноваться и переживать именно за судьбу этого Хлебникова — простого, рядового гражданина; театр доказывает, что стойкость, убежденность, принципиальность присущи каждому советскому человеку независимо от масштабов его личности. В этом «рядовом» партии — именно в рядовом! — режиссер хочет показать силу партии, которая становится его силой, волею партии, которая становится его волей. ... Атака, которую Полудин ведет на Хлебникова. — Это атака против партии, попытка вывести из ее рядов честного и мужественного бойца.

Интересно к по-своему играет Полудин артист В. Нельский. Его Сергей Романович — тонкая штука. Он разыгрывает роль человека, бесмерно отягощенного суровостью своего служебного долга. Ему жалко, видите ли, жалко Хлебникова. Он все время ищет для него смягчающих обстоятельств и, увы, не может их сыскать... Он играет в борьбу долга и чувства и высказывает, демонстрирует, что лишь его высокие моральные устои дают ему силы выполнять тяжкий долг. Он подцеп незаслуженный, и неизвестно, которую вызывает в нас Полудин, тем сильнее, что в финале театр вовсе не убеждает: с ним все покончено, он сброшен со счетов. Ну, нет, Полудин — так прост. Такого, может быть, и не сняли. Он так скрасилась в ошибке, что ему не только Дергачева, но и Хлебников поверит. Он, может быть, и сейчас где-нибудь работает, — присмотритесь...

...Это хорошие, сердечные и умные спектакли, отмеченные рядом актерских удач. Любимые публикой, полюбил зрители на сцене. Рядом с ними в Ярославском театре живут и другие — менее удачные и совсем неудачные, но, вплоть до того, что очень Хлебниковых кажется туги пришлось без привычной отцовской зарплате. Быт, булки, огорчения, ожидания... Поначалу кажется, что театр несколько уменьшил масштабы своего происходящего в пьесе Штейна. Хлебников в исполнении Белова — просто хороший, но рядовой инженер, обыкновенный человек, упрямый, добрый, инерционно-капризный. Крупного таланта в нем мы не чувствуем — того таланта, которому мог бы жгуче завидовать Полудин. Что это, просчет? Нет, вероятно, не просчет. Театр хочет заставить нас волноваться и переживать именно за судьбу этого Хлебникова — простого, рядового гражданина; театр доказывает, что стойкость, убежденность, принципиальность присущи каждому советскому человеку независимо от масштабов его личности. В этом «рядовом» партии — именно в рядовом! — режиссер хочет показать силу партии, которая становится его силой, волею партии, которая становится его волей. ... Атака, которую Полудин ведет на Хлебникова. — Это атака против партии, попытка вывести из ее рядов честного и мужественного бойца.

...Это хорошие, сердечные и умные спектакли, отмеченные рядом актерских удач. Любимые публикой, полюбил зрители на сцене. Рядом с ними в Ярославском театре живут и другие — менее удачные и совсем неудачные, но, вплоть до того, что очень Хлебниковых кажется туги пришлось без привычной отцовской зарплате. Быт, булки, огорчения, ожидания... Поначалу кажется, что театр несколько уменьшил масштабы своего происходящего в пьесе Штейна. Хлебников в исполнении Белова — просто хороший, но рядовой инженер, обыкновенный человек, упрямый, добрый, инерционно-капризный. Крупного таланта в нем мы не чувствуем — того таланта, которому мог бы жгуче завидовать Полудин. Что это, просчет? Нет, вероятно, не просчет. Театр хочет заставить нас волноваться и переживать именно за судьбу этого Хлебникова — простого, рядового гражданина; театр доказывает, что стойкость, убежденность, принципиальность присущи каждому советскому человеку независимо от масштабов его личности. В этом «рядовом» партии — именно в рядовом! — режиссер хочет показать силу партии, которая становится его силой, волею партии, которая становится его волей. ... Атака, которую Полудин ведет на Хлебникова. — Это атака против партии, попытка вывести из ее рядов честного и мужественного бойца.

Да, оных побед жать нельзя. Но мера требовательности к себе никогда не должна уменьшаться. Между тем, даже в лучших спектаклях Ярославцев часто замечать какие-то досадные шероховатости. Их очень легко исправить. Но их не исправляют. Почему? Потому что и так хорошо? Да, и так хорошо... И зритель прощает театру все эти мелочи. Не обращает внимания на то, что, скажем, в комнате Анны Подолки в «Брыльях» висит та же картина, которую мы видели в квартире Хлебниковых. На одном и том же платенном из кожанки кресле сидят секретарь обкома Ромодан и Нина Заренная из «Чайки», а потом мы видим ту же мебель в крипичной квартире пионеров в «Судьбе барабанщика». Простительно это? Стоит ли «привираяться» к таким неидеалам в оформлении?..

Но вот смотрим «Персональное дело» и думаем: почему такой вялый, малозатеренный Степан (И. Богословов)? Правда, эта роль не из главных. Почему превращает во вставные номера свои появления на сцене О. Иванова, исполнительница роли Завыки (Богословловов)? Правда, она это делает с хорошими намерениями. Можно со всем этим мириться? Можно. Но ведь можно и не мириться! А сейчас в театре терпимы не только к такой-то малоумной детали, но и к просчетам более серьезным.

Режиссер И. Богословов ставит «Хрустальный ключ». Это вполне грамотный и корректный спектакль. Здесь удалось все, что сопряжено с буднями заставы, здесь очень крепко и просто играет капитана Быстрова И. Аристархов. Р. Нигай «вкусно», со вкусом играет болтливого дурачка Тарасю. Спектакль занимательный... Но почему не внести в него коррективы, которые просто напрашиваются? Трудно не обратить внимания на примитивно-мелодраматический тон у исполнительницы роли Азлы — В. Нельской, на добродушные, безвредные, но очевидные штампы у деда Герасима — Г. Свободина, на элементы актерского самозабвения в красавицу у С. Юматова — Чистякова. Ведь это все не так уж трудно выправить, тем более, что общее построение спектакля верно.

Может ли идти «Хрустальный ключ» в том виде, в каком он выпущен на сцену? Отчего же, может... Но достоин ли он имени Ярославского театра, с уверенностью

скажем, одного из лучших наших театров?

Если выйти из этого вопроса сомнителей, то по отношению к спектаклю «Судьба барабанщика», к созданию, уже и сомнений не остается. Яркость этой постановки — яркость искусственная, поддельная; здесь все бьет на эффект — и только!

Присматриваясь к броским, подчеркнутым мизансценам и думаешь: ну зачем В. Давыдов растащил артистов в этих неудобных, странных позах? Только ради того, чтобы мы оценили его отказ от привычного, от обыденного на сцене? Почему, скажем, когда Сережа Баташев в поисках денег пробует ответить адике письменного стола, режиссер заставляет исполнительницу разбегаться через всю комнату, «рыбной» скользя на стол и, лежа плашмя, «танцуя» к замочной скважине? Необычно? Да, необычно. Но и только. Почему тот же Сережа Баташев, закрывая путь банштам, стоит в проломе ограды в такой красивой багетной позе, подтянув музыку? Неужели именно так понимает режиссер гайдаровскую патетику?

Слов нет: манера гайдаровского письма своеобразна, и переход повести на язык сцены требует каких-то особых приемов, поисков столь же своеобразной, точной и выразительной театральной формы. Но надо же чувствовать разницу между лирической природностью впитанности — и крайностью, между романтической условностью — и нарушением простейшего правдоподобия...

Не стоило бы долго говорить об этом явно неудачном спектакле, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что его претензия на новаторство — шумная и навязчивая — кое-кем была доверчиво принята за новаторство. Отстаивание малоизобретательных и по сути дела эпитетных формальных приемов было оценено как борьба за сценическую яркость. Не следует забывать, что новое должно быть лучше старого. В этом смысле новаторства.

...Да нет, не яркость это, не та яркость, которая идет от света мысли художника, от его душевного огня, озаряющего все плутири. Это просто «скаканивание». Не поиски, а видимость поисков.

А от Ярославцев мы вправе ждать настоящих поисков. Прежде всего — в области репертуара.

Репертуар Театра имени Волкова сам по себе не вызывает сомнений. За последние

время здесь ставились бесспорно хорошие пьесы: «Брылья», «Персональное дело», «В добрый час!». Шли «Журбины» (правда, в неудачной инсценировке). Возобновили «Огненный мост» Ромашова. Да, выбор репертуара верен, но очень робок. Не видно пьес, первоисточниками которых оказались бы ярославские артисты. А ведь в числе их прошлых заслуг — первопротекание «Сомова и других», первая постановка «Настя Колосовой» В. Овчинникова... Недавно Театр имени Волкова заинтересовался новой, еще нигде не шедшей пьесой С. Алексина «Одна». А потом спешивали. Сейчас жутко, как пройдет премьера у вахтанговцев. Но можно ли — если нам сердечно близка тема, если работа над ней представляется по-настоящему необходимой, если вы убеждены, что такой спектакль нужен зрителю, — может ли отступить от своего и ждать, пока рискнут другие?..

А те же «Брылья»? То же «Персональное дело»? Разве их путь на сцену был так уж гладок? Как всякое свежее, смелое проявление искусства, открытие говорившее о сложных вопросах жизни, эти пьесы кого-то не устраивали, кого-то беспокоили, кто-то опасался: стоит ли ставить? А кое-кого авторитетно цитируя: «Не стоить!». Если бы все театры рассуждали так, как сейчас рассуждали волковцы о пьесе Алексина, не видать бы «Брыльям» и «Персональному делу» света рампы.

Обращение к еще не апробированному драматургическому материалу сразу выдвинуло бы перед театром трудную, сложную задачу — одну из тех задач, которые требуют предельной мобилизованности творческих сил. А как раз этой полной мобилизованности и сопряженной с ней высокой требовательности, художественного максимализма не хватает сейчас ярославской сцене. Зритель, любящий Ярославский театр, вправе многое прощать ему. Но сами художники не имеют права на такую терпимость. Талант обязывает к требовательности. Талант обязывает к смелости.

И. СОЛОВЬЕВА,
спец. корр. «Советской культуры»
ЯРОСЛАВЛЬ.

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

14 апреля 1956 г. 3 стр.

вие, он не может поверить, что коммунист, закрыл глаза на «отдельные недостатки», способен самовольно любоваться «общей картиной», даже если она и впрямь неплоха. Белов играет человека, у которого никогда не станет спокойно на сердце, пока хоть где-нибудь не задается жизнь.

Потому что Ромодана — Белова нет мелочей. Он видит все очень ясно и очень конкретно, и думает он не о людях «вообще», а о каждом встреченном им человеке: вот об этом председателе колхоза Луаридзе, вот об этом агрономе, засаженом за постылый канцелярский стол, об этой энергичной молодке, требующей, чтобы открыли ясли. Он все берет на заметку. И вот что замечательно: эта сосредоточенность Белова — Ромодана на простых, будничных заботах вовсе не мешает, а уручивает образ.

Привычные слова «партийная работа» по-новому оживают на этом спектакле. Да, то, что делает Ромодан — Белов, — это настоящая партийная работа, трудная, изо дня в день, работа, требующая всего человека, занимающая все силы его ума и его сердца. Работа, о которой никогда не скажешь: «ва, она уже сделана».

Потому-то и в финале спектакля — ни тени праздничного умиротворения! Мы растаемся с Ромоданом, который еще только начинает свой труд. Еще впереди и борьба с реальными хозяйственными непознаниями, и возня с бюрократическими тушицами, вроде Овчаренко, который усвоил философию по трудам Нуткина, и драки с Дремлюгой. И потому, что сам герой живет неспокойно, трудно, в работе и в тревогах, он и зрителя заставляет думать над тем же, чем сам взволнован.

Режиссер Кондрашев остался верен себе, своей склонности к внимательному анализу характеров, к мягкой, лирической манере. И оказалось, что и в этом ключе можно решать комедии Корнейчука и решать успешно. Многого стоит это умение режиссера просто, душевно и серьезно, со своей «личной» интонацией говорить о больших государственных темах, о вопросах насущно важных, общих.

Вот спектакль «Персональное дело». Как все здесь просто и житейски пошат-

Разумные о жизни, честный, серьезный, душевный разговор о ней — вот что самое ценное и в «Брыльях», и в «Персональном деле», и в спектакле «В добрый час!». Поставив их в Ярославском драматическом театре главный режиссер Тихон Кондрашев — художник мягкий, тонкий, скромный, очень человечный по самой природе своего дарования. И если легко угадываем, что эти качества таланта постановщика принесут удачу при воплощении раздумчивой лиричной пьесы Розова, что они будут верным подспорьем в работе над драмой Штейна, где голос автора никогда не заглушает простых, «домашних» интонаций героев, то встреча режиссера Кондрашева с темпераментной публицистичной, резкой комедией Корнейчука представляется несколько рискованной. Очень уж кажутся несходными индивидуальности драматурга и постановщика. Как поставит Кондрашев «Брылья»?

Он поставил их очень по-своему и очень убедительно. Вскрыл потаенные возможности роли, он стремился сделать «Брылья» спектаклем о Ромодане. И такая переадресировка, на мой взгляд, глубоко оправдала себя. Она принесла театру удачу.

Эта удача стала возможной, конечно, потому, что в труппе есть артист, способный сыграть Ромодана так, как мечталось режиссеру. Это Григорий Белов — артист, соединяющий острое обаяние интеллекта, властно убеждающую, шутливую силу мысли с сердечностью и простотой, с какой-то особой деликатностью актерской манеры. Поручая ему роль, можно было быть уверенным, что Белов доведет до зрителя все внутреннюю силу и убежденность партийного руководителя Ромодана, его волевой напор и ясность цели. Тут можно спокойно отказаться от всяких поисков внешней импозантности, от всякого внешнего «укрупнения» героя.

Ромодан — Белов не приходит в спектакль, вооруженный заранее заготовленными решениями. Так, в первом разговоре с Дремлюгой он вовсе не считывает председателя исполкома за те недостатки, которые, успев заметить и объектив. Ромодан вовлекает собеседника в круг волнующих его раздумий, хочет, чтобы с Дремлюгой светало его сонное спойост-